

Несмотря на то, что заведение было крошечным и вмещало всего пару столиков, а хозяин продавал только вонтоны, эта забегаловка кормила завтраками всех жителей улицы. Хозяин, хотя и носил круглый год чёрный халат, всегда выглядел опрятно. Готовя вонтоны, он закатывал рукава, чтобы не испачкать одежду, что заставляло задуматься, есть ли у него в гардеробе ещё несколько таких же халатов.

Хозяин с утра до вечера был занят работой, но это не мешало людям с нетерпением ждать, когда он нальёт им миску свиных вонтонов, посыпанных зелёным луком. Это также не мешало некоторым женщинам постарше, получая свои вонтоны, намекать, что они недавно видели его жену с другим мужчиной в баре. Даже если сплетни доходили до его ушей, хозяин лишь опускал веки и стучал серебряной ложкой по краю кастрюли, выражая своё недовольство.

Его жена не была такой трудолюбивой, как он. Утром её редко можно было увидеть, лишь иногда, в хорошем настроении, она выходила, чтобы помочь ему собирать деньги, а потом садилась подкрашивать помаду и клала собранные деньги в задний карман джинсов. В то время на всей улице только она носила джинсы с низкой посадкой, которые при малейшем движении обнажали полоску белой кожи на талии, а широкие штанины болтались, как метла. Она оставляла яркий след помады на щеке хозяина при всех и тут же исчезала.

Соседи шептались между собой, говоря в основном одно и то же, что можно перевести как «это так неестественно».

Чтобы порадовать жену, хозяин купил ей телевизор, который поставил в спальне. Спутниковая антенна была установлена за окном спальни, и когда её только поставили, она была белой, как фарфор, привлекая внимание соседей, но со временем превратилась в чёрную, как смоль, «крышку».

Длинный дом-коридор, в котором жил хозяин, почти вплотную примыкал к соседнему такому же дому. Стены стояли так близко, что проход между ними был настолько узким, что едва мог вместить одного человека. А поскольку из окон верхних этажей постоянно торчали бамбуковые шесты с колбасами или бельём, вода с них капала на землю, и за годы под воздействием солнца и химических реакций превратилась в серо-белые твёрдые наросты.

Поскольку это был не общественный телевизор, хозяин даже не подозревал, что кто-то мог прятаться в щели между домами и подглядывать за его телевизором.

На самом деле Ли Минъюй пришёл сюда не ради телевизора. Соседские мужчины часто обсуждали при нём жену хозяина. Ли Минъюй слушал, как они описывали «белоснежные булочки», говорили о «сочных пирожках», и у него текли слюнки. В итоге он пришёл посмотреть сам.

Не увидев, не поверишь. У Ли Минъюя закружилась голова, он ухватился маленькими руками за решётку на окне и, ошеломлённо, сказал:

— Когда-нибудь я заведу себе такую женщину.

Помимо мечты о такой женщине, у Ли Минъюя была ещё одна мечта — открыть свою вонтонную. Как только он узнал, что эта чёрная коробка с людьми внутри стоила больше тысячи юаней — хотя в то время он не представлял, что такое тысяча юаней, — он связал свою жизненную цель с открытием вонтонной.

В его глазах хозяин вонтонной был настоящим победителем: у него была женщина, телевизор и трёхколёсный велосипед для перевозки овощей, на котором он мог ехать куда угодно, свободный, как ветер.

Когда жена хозяина не меняла одежду, Ли Минъюй через грязное окно не отрываясь смотрел на повторяющиеся патриотические фильмы на телевизоре.

Ду Ицзэ сначала тоже смотрел, но потом ему стало неинтересно, и он начал клевать носом, прислонившись к стене. Он не понимал, как Ли Минъюй, у которого в голове были только сиськи, мог интересоваться такими фильмами.

Точно так же Ли Минъюй не понимал, почему примерный ученик Ду Ицзэ любил гонконгские боевики с пулями, летящими во все стороны. Ему казалось, что Ду Ицзэ слишком увлёкся, отрастил волосы, смочил их водой и зачесал назад, утверждая, что теперь он крутой гангстер с зачёсанными назад волосами. Но через два дня мать схватила его за шиворот и отвела к мастеру Вану на углу улицы, где ему обрили голову.

Ду Ицзэ не сдавался, глядя свои короткие волосы, и называл Ли Минъюя «А Юй», как будто тот был его подчинённым.

Ли Минъюй, в свою очередь, отвечал ему «товарищ Сяо Ду». Они целыми днями называли друг друга «А Юй» и «товарищ Сяо Ду», что было настоящим примером магического реализма в дружбе.

Ду Ицзэ терпеть не мог это обращение, и как только Ли Минъюй так его называл, он начинал гоняться за ним по улице.

— Почему я не могу так тебя называть? — удивлялся Ли Минъюй, прикрывая голову руками.

— Потому что это звучит плохо.

— Почему плохо?

— Просто плохо! — Ду Ицзэ широко раскрыл глаза. — Я же не старик!

— Конечно, ты не старик!

— Поэтому ты не можешь так меня называть.

Ли Миньюй вытянул шею, хотел возразить, но вдруг понял, что Ду Ицзэ прав: в фильмах так обращались только к старикам. Он кивнул и согласился:

— Тогда я буду называть тебя Сяо Ду, ладно?

Ду Ицзэ скрестил руки на груди, постучал носком ботинка по земле, словно обдумывая, и наконец сказал:

— Ладно.

Ли Миньюй тут же расплылся в улыбке, дёрнул за ремень своего рюкзака и застенчиво спросил:

— Тогда... Сяо Ду, ты сегодня вечером придёшь ко мне учиться?

Звучало красиво, но на самом деле он просто хотел списать домашнее задание.

Ду Ицзэ поднял подбородок:

— Ты что, на уроках делал? Опять ничего не понял?

— Я не такой, как ты, — смущённо улыбнулся Ли Миньюй. — Ты самый умный.

Учёба для Ли Миньюя была настоящей проблемой. Он не понимал, почему, когда учитель китайского языка произносил слова и фразы, они складывались в предложения, которые он больше не мог понять. Когда учитель давал задание по устному счёту, в его голове мелькали только две белые крольчихи на груди жены хозяина.

Ду Ицзэ был другим. Ему всё давалось легко, он всегда успевал сделать домашнее задание до конца дня, а если занимал пятое место в классе, это считалось провалом. Ли Миньюй не мог за ним угнаться и, извиваясь и умоляя, наконец прицепился к этому гению.

Но Ли Миньюй не знал настоящей причины, почему ему так легко удалось подружиться с отличником. Это было не потому, что бабушка Ли готовила вкусную еду, и не потому, что Ду Ицзэ был так уж рад учить его, и даже не потому, что в коробке из-под спичек, которую он показывал, было что-то настолько интересное, что это привлекало Ду Ицзэ часто приходил к нему в гости.

Ду Ицзэ не то чтобы очень его любил.

Хотя они были соседями, очень близкими, жили напротив друг друга и ходили в одну школу, всё это не имело значения. Главное было в том, что Ду Ицзэ чувствовал себя в присутствии Ли Миньюя немного выше. Это чувство превосходства исходило из того, что он считал Ли Миньюя совершенно безвредным, что позволяло ему чувствовать себя комфортно. Даже если ему не нравились вонтоны бабушки Ли и её глухота, и даже если он не любил скуку и глупость Ли Миньюя, в этом маленьком мире никто не запирает его в шкафу за то, что он получил на два балла меньше.

Когда наступало время спать, в доме Ду Ицзэ раздавался стук в дверь. Чаще всего за ним приходила матушка Ду, но если приходил отец, Ду Ицзэ знал, что они снова поссорились.

Точнее, мама снова получила побои.

Ду Ицзэ стоял, как статуя, у кровати, наблюдая, как его мать, опустив голову, плачет, вытирая слёзы. На её подбородке была ранка, из которой сочилась кровь, а под глазом синяк. Она говорила, что отец — ничтожество, ничтожество!

Услышав это, отец Ду врывается в комнату, хватал её за волосы и бил головой о тумбочку.

Ду Ицзэ инстинктивно прятался в шкафу, через щель между дверями наблюдая, как этот мужчина бьёт его мать по лицу, а потом начинает рвать на ней одежду. В конце концов, Ду Ицзэ забивался в угол шкафа, крепко зажимая уши руками, стараясь не слышать сдавленных стонов и криков боли.

Только в такие моменты он испытывал чувство зависти. Он думал: «Если бы у меня не было отца, я бы, наверное, был таким же счастливым, как А Юй, даже если бы моя мама была старой и некрасивой».

<http://bllate.org/book/15266/1347223>